

Студент четвертого курса юридического факультета университета Илья Потехин приехал на летние каникулы к бабушке Зине. Сессию сдал успешно, но на этот раз устал невероятно. «Ни рукой, ни ногой не пошевелю, буду лежать, как бирюк, разве что телевизор иногда...»

На следующий день собрал все номера местной газеты, какие еще сохранились, подобрал по датам и стал читать.

Когда он учился в девятом классе, их семья переехала в областной центр, — отец пошел на повышение, — связи с одноклассниками, естественно, прервались. С жадностью читая газету, то и дело наткнулся на знакомые фамилии, захотелось встретиться с кем-нибудь из школьных друзей-товарищей. Наверняка кто-то еще остался, хотя многие, скорее всего, разъехались кто куда. Хорошо бы вырваться на природу, съездить в лес, на рыбалку, как когда-то, отдохнуть, расслабиться...

С рыбалкой вопрос решился довольно скоро и просто. Одноклассник Денис Тюлькин пригласил его на Темное, у него там была будка, небольшая лодчонка, спрятанная в кустах, и плот на всякий случай. Место дикое, густой сосновый лес — тайга.

Нехитрые сборы — кое-что поесть, экипировку и снасти приятель гарантировал.

И вот сидят школьные друзья у костра, кипит уха, играет транзистор... Тихий вечер, глушь и современная музыка, задушевная беседа. Кайф! В такие редкие минуты любой че-

Алексей ДОРОНИН

г. Петрозаводск

П
Р
А
К
Т
И
К
У
М

ловек, особенно городской, расслабляется, становится сентиментальным, радуется по-детски окружающему, природе-матушке.

За затянувшимся вечером ужином обговорили, кажется, все. Вспомнили учителей, в первую очередь эмоционального литератора Петю, заметные события за годы совместной учебы, кто куда подался после школы, кто остался и чем сейчас занимается...

Съездив на рыбалку еще пару-тройку раз, студент поскущел — хватило романтики на природе. «Человек создан для действия, неу-

жели вот так все лето? Люди, блин, летают аж на Багамы, а тут в примитивное Туапсе не съездить. Нищета, деньги проклятые. Вся жизнь от этого мусора зависит. Лучшие годы, отдых честно заработан, и вот, пожалуйста, жую сопли на озере, кормлю комаров. Дурацкий отдых в сто раз хуже работы, устанешь больше, чем отдохнешь».

Отпускник задумал криминальную операцию.

На очередной рыбалке, — еще и клева, как назло, не было, — под вторую бутылку завел пространный разговор на тему о всегдашней несправедливости жизни к молодым.

«Почему одним можно все, ну как же, — они хозяева жизни, а другим — ничего или о-очень мало... так, жалкие крохи, в то время как благо — это, отнюдь, не всякая жизнь, а жизнь хорошая», — повел издали повествование.

Рассказал на тему анекдот про двух друзей, которые встретились после отпуска. У одного: море — девочки — шампанское, у другого: болото, доярки, самогон. Денису анекдот не понравился, даже обидел его.

Илья продолжал фантазировать, что деньги не имеют морали, есть масса способов взять их легко, быстро и много. Энергичные и смелые люди только так и поступают, начальный капитал всегда будет преступным. Чтобы открыть свое дело, нужен толчок, импульс, ни с того ни с сего ничего не начинается, это ежик понятно... Денис слушал, не перебивал — «изрядно закосел студент, пусть бухтит, болтать о чем-то надо...»

«Так, если не перебивает, тему не меняет, значит, предложенная тема ему дикой не кажется». Школьный друг решил поделиться своей задумкой. Он, как профессионал, увидел реальную возможность взять дневную выручку в столовой «Северное сияние». У него просто не укладывается в голове, как еще никто не догадался. «Вся операция — выхватить сумку у инкассатора. Цоп. И ходу... Если грамотно продумать отход — гарантия сто процентов».

Еще со школы Денис любил читать повести про бандитов, до сих пор смотрит сериалы по телевизору, ему стало интересно.

«Такая операция обречена на успех уже потому, — уверенно продолжал юрист, — что бу-

дет основана, — словно решение проводить операцию уже принято, — на нашем национальном разгильдяйстве и всеобщем пофигизме. Вот они, надежные и верные факторы успеха!» — изысканно, словно с трибуны, закончил возбужденный автор проекта.

Собеседник молчал, разработчик продолжил.

«А что, позорного дела нет, всегда позорно бездействие. Возможность уникальная, выручка приличная, на летние забавы вполне хватит. Ну, а если с умом, не сорить, не разбрасываться по-пустому, так и на год, в виде карманных денег, чтобы мелочь не считать, а то как начальный капитал. Да мало ли».

— Это преступление, — лениво буркнул Денис.

— Ты попал в десятку. Да, точно, преступление, согласен-согласен, не отрицаю... Но какое преступление? Легкое, ле-гонь-кое, малосенькое такое преступление. Ну, выхватили сумку — соблазн, подурачились, минутная слабость, извините, извините — бес попутал, затмение вышло, выпивши были, шутка неудачная, дурачье. Но опять же, это если поймут, а тут-то верняк, — и после небольшой паузы, с раздумьем, — провалиться мне на этом месте — не поймут, вот нас-то как раз и не поймут, подчеркиваю, именно нас и не поймут! Я что, по-твоему, зря учусь на юридическом, на пятый курс перешел. Не хочу хвастаться, но учусь хорошо, в группе — второй, ну тот-то задницей берет, положительный весь — не пьет, не курит...

— Поймут и посадят, — спокойно возразил собеседник, — и так припают...

— Сажают глупых и жадных, еще сажают рецидивистов, те уже погрязли, им не остановиться. Мы ни к одной из этих категорий не относимся. Мы с тобой молодые, умные, перспективные, но в то же время циничные, в хорошем смысле слова, и хваткие, своего не упустим. Нам что, взять на летний отдых и всё, больше мы не будем, один раз попробовали и хватит, алчность контролируем. Я ведь не предлагаю тебе организовать воровскую шайку-лейку, стать отъявленным бандитом-налетчиком, домушником-мокрушником, боже упаси. Надо думать о будущем, а у нас вся жизнь впереди, на зоне пусть парятся другие.

— Нет, нет! Я пас, возьмутся как следует —

докопаются. Если по трамвайному билету на- ходят преступника, по окурку, пуговице, даже волоску...

— Э-э-э... братишка, куда хватил, вижу — лю- бишь читать. Это в районе, в глуши, — извини, старик, — по волоску? Знаешь, каков нынче процент раскрываемости? Почему так вырос- ла преступность? Кто сейчас работает в орга- нах? Ты этого не знаешь и знать не будешь. Смотришь по телеку, как доблестные стражи порядка вяжут банды, одну за другой. Мила- ай, это пиар, раскрутка. На самом деле в орга- нах осталось одно фуфло, принимают мало- хольных, всяких шпингалетов. Уважающие себя опера давно работают за хорошие бабки в солидных фирмах, частных сыскных агент- ствах, и работают, в самом деле, хорошо, пото- му что они там нужны, потому что им платят правильные деньги... Плевать они хотели на твои пуговицы и волоски...

— Может, все так и есть, но мне себя дико представить в роли этакого грабителя, одно дело — сериал, а в реальной жизни...

— Тут такой верняк, — пауза, — я бы и один пошел, — схватить сумку и смыться, — переби- вает с грустью, как бы размышляя, Илья, — но одному сложно... Вдвоем легче отвлечь внима- ние, направить следствие по ложному пути...

— Ну и как, по-твоему, это может выглядеть? — Денису все же интересно.

— Слушай сюда. У тебя «жигуль» — их в стра- не миллионы. Стекла темные, номера зама- зать. Цоп! Сели и рванули в неизвестном нап- равлении, а на самом деле меня — в баню, сам — домой, пей чай с баранками, смотри свои се- риалы, в конце концов, ляг спать — ты дома. Все гениальное просто. Ты во всем положи- тельный, ни в чем не замешан, не замечен, напротив, на хорошем счету... Да кто на тебя подумает? Бред! Это с ума упасть.

Денис молчал, Илья воспринял молчание как признак колебания, усилил натиск.

— Ты когда-нибудь сто тысяч в руках дер- жал? Наивный вопрос, конечно, нет. Потому что их негде взять, эти сто тысяч на дороге не валяются. Попробовать выиграть в лотерею, так когда еще это желанное событие наступит? За долгую, честную жизнь, возможно к ста- рости, что-то и накопишь, но пройдет моло-

дость. Опять двадцать пять! И потом, наше беспощадное государство уже столько наизоб- ретало изящных способов тебя обчистить: на- логи, акцизы, пошлины, штрафы, инфляция, дефолт... Достаточно или список продолжить? Как это делается? Да очень просто. Лоббисты придумывают хитроумные лазейки и заклады- вают их в закон, депутаты, — кстати, им непло- хо платит государство, то есть — мы с тобой, — дружно принимают закон. Через какое-то вре- мя он, естественно, дает обратный результат, заявлено одно, на деле — другое, мы слышим традиционное: «наше законодательство еще несовершенно, хотели как лучше, а вышло как всегда». Ты можешь назвать мне хотя бы один закон, который когда-либо работал? То-то... Я знаю, что говорю. Государство у нас большое, богатое, но очень жадное, и ему вечно не хва- тает, а мы с тобой такие ма-а-аленькие, плю- га-авенькие, неказистые и, самое главное, ни- кому не нужны, разве что комарам, а сегодня, блин, еще и рыба не клюет, — оратор зло сплюнул. — Деловые люди на побережье Чер- ного моря бабам градусники вставляют, в Со- чи бум, съехался цвет страны. — И его понесло. — Знаешь, какие там девочки? Ммм... Супер! Ух, собаки, хороши, раскованные прорвы, на- читанные, языками владеют, шарят в искус- стве, на любую тему поговорить могут — про- фессионалки. На таких девочек, и правда, ни- каких денег не жалко. — Студент никак не мог остановиться, закатил глаза в небо.

— Я хочу шампанского, мно-ого шампанско- го, брызги — влево, брызги — вправо. День жаркий, шампанское холодное, льется рекой, девчонки визжат... Мы гуляем, нам не жалко, и это я закатил праздник — мы молоды, сво- бодны, нам все нипочем...

— Молоды, свободны, счастливы — это по- нятно, но визжать-то зачем?

— Да заносит меня, иногда найдет такая дурь, острого хочется, неординарного, да и за- косел чуток, может, не чуток. Мне такой жиз- ни хочется, чтобы я ставил бал, за все платил, но чтобы командовал. Именно командовал. Я и в юности не особенно был склонен вздыхать под Луной, всегда рвался к Солнцу, даже на юридический пошел, чтобы жить на яркой стороне.

- Мечтать не вредно...
- Зря остришь, мечты, которые сбываются, – вовсе не мечты, а планы, в этом и разница.
- Как-то всё у тебя легко и просто, как в сказке, как по нотам...
- Могу и по нотам. План готов! Познакомить?
- Ну, какой же ты, однако, настырный. Чёрт с тобой, валяй.
- Столовая напротив общежития, зал на сто двадцать посадочных мест, выручка приличная, днем – тьма народу. Инкассатор хлюпенький мужичок, соплей перешибешь, но старается показать себя еще ого-го, – чтобы с работы не выгнали, – этаким бодрячком, боксерчиком. Приезжает на «Волге», водила из машины не выходит, а зачем – минута и поехали дальше. Столовая в полуподвальном помещении, в коридоре темно, ни одна лампочка не горит – экономят, гардероб не работает. Так или не так?
- Вроде так, я редко бываю.
- Как только инкассатор уходит, – дело к закрытию, – подтягивается уборщица и запирает дверь на палку, это предварительно, чтобы не зашли новые посетители, их все равно не обслужат. Те, кто поел, выходят через служебный ход. Обращал внимание на посетителей под вечер? Сброд – бобыли, бичи, пьянь, не больше двух десятков, но это перед закрытием – днем постоянно очередь.
- Денис молчит, вникает в тему, переваривает.
- Ну, и... как мыслишь?
- Стукнуть деда, сумку в охапку – и погнал...
- Куда, если не секрет?
- Как куда? На улицу, куда же еще? И дворами, и дворами...
- Это вариант дилетанта. Ты забыл про водилу, у него тоже «Макаров» на пузе... А прохожие: «Вон, вон, я видел, он туда побежал, за сараи... Держи вора, лови бандита, развелось их!..» Ты побежал домой запыхавшийся, потный и счастливый. «Мама, мне повезло, я на дороге мешок денег нашёл, давай считать, может, на квартиру хватит...»
- А по-твоему?
- А по-моему, совсем не так. С вашего позволения продолжу. Двери на ночь закрывают, кроме палки, поперек, еще на два висячих

замка. Я один раз шёл, зацепился рукавом за дужку, чуть рубаху не порвал. Поэтому деда надо обездвигнуть, приложить в тамбуре между дверьми к стенке, а двери, те и другие – на наши замочки: чик-чик. Что получается? Дедушка устал от напряженной работы, взял небольшой тайм-аут, спрятался и не желает ни с кем общаться, объявил сидячую забастовку, ну и хрен с ним, с дедушкой. Наше дело подобрать бесхозную сумку и выйти вместе со всеми через служебный ход.

– Безумие! Кругом народ: клиенты, работники, а во дворе? Это же фактически – центр города...

– Именно так, кругом народ, но поведение всех, кого ты называл, можно спрогнозировать... Организуем небольшой маскарадик, введем окружающих в заблуждение, а действовать будем естественно, но очень быстро.

«Пора пресечь, – подумал Денис, – поставить крест на пьяных бреднях, это уже не смешно...» – но реально этого делать не стал.

– Чтобы ты был полностью спокоен, – я все беру на себя. Все абсолютно! Разработку, организацию, проведение и ответственность. Подчеркиваю – ответственность, алиби – сто процентов. Начнем с тебя. В день «Х», начиная с семи часов вечера, ты играешь в шахматы со своим соседом. Вы же частенько перекидываетесь, и под пивко, случается...

– Сосед на пенсии, делать нечего, приглашает... Но давненько уже не играли...

– Ты говорил, что он работает судьей, ветеран труда, известный в городе человек.

– Да. А при чем это?

– При том, что лучшего свидетеля твоей непричастности к нехорошему событию, стань искать, не найдешь. Ты «проиграл» первую партию, предлагаешь сыграть еще, но с пивком, готов быстренько сбежать, например, у тебя какое-то событие, придумай. Уходишь в девятнадцать сорок, возвращаешься через 15 минут, и с пивком, и с выпивкой, и с закуской, и черт знает еще с чем. Каково! Четверть часа, а ты наволол гору всякой всячины, кроме собачины. На самом деле – купи все заранее.

– Лихо! – не выдерживает восторженный слушатель, только что собиравшийся «пресечь пьяные бредни», втягивается в сценарий, раз-

вивает его под себя. — Если я за это время купил водку, пиво, хлеб, колбасу и далее по списку, а потратил только пятнадцать минут — какое же, извините, нападение или ограбление, как это у вас там называется? Чушь, конечно, чушь! При чем тут я?

— Еще моментик. Перед уходом ты обронил: «Я мигом, может, вам заодно что-нибудь прихватить? Молока, кефира... Он, скорее всего, откажется, но ты сказал — прозвучало, и принеси еще фруктов, ты ведь продукты купил для дома, но только не перестарайся.

— Реал, а твоё алиби?

— Мое еще проще. Выкинешь у бани, я — в парную. Кому придет в голову, что интеллигентный молодой человек, который тут парится, четверть часа назад замочил, тьфу ты, черт, стукнул, запомни, только стукнул и не сильно, инкассатора и взял некоторую сумму на текущие расходы. Парень — заядлый курильщик, уже второй или третий раз кричит: «Мужики, поддай парку... старина, будь другом, подбрось пару ковшичков».

— Клево! Как в кино!

— Пока деда откупорят, пройдет полчаса, а то и больше. Посуди сам, конец смены, сумки затарены ворованными продуктами, все, как настеганные, торопятся домой, кое-кто под мухой. Ни мужиков, ни руководства нет, одни бабы, никто ничего не понимает, и никому ни до чего нет дела — шум, гам, суета и бестолковщина... «Кто повесил замок? Замок не наш, чей замок? У кого ключи? Мне что, мерещится, что ли? Ерунда какая-то... Еще раз спрашиваю, чей замок? Ничего не понимаю... ну, блин, и шуточки...» Короче, одесский шум, похожий на работу.

— Вот ты говоришь, а я реально представляю, все так и будет.

— Я уже пробовал прикинуть выручку, слушай, недурно получается — от двухсот до трехсот тысяч рэ. Не худо на первое время. Десять минут работы, — хотел сказать «страха», но передумал, — и по сто пятьдесят тыщ на рыло. На этой неделе я специально ходил в столовую и обедать, и ужинать, забегал пивка попить — прикидывал, считал, меньше не должно быть. Для нас главная трудность не деда-бедолагу отключить и засунуть его в тамбур, а пройти

через столовый зал, быть похожими на посетителей, раствориться среди них, не привлечь внимания, не вызвать подозрений. Весь путь, хоть и короткий, на глазах разных людей, больше всего меня беспокоит двор.

В голосе автора проекта появились озабоченные нотки, протрезвевшее лицо посерьезнело, сейчас он размышлял вслух, представляя будущую ситуацию в подробностях. «Во дворе в это время будет все, как обычно — женщины с бельем, ребятишки, молодежь, пьяньенькие... Самая опасная часть операции, могут возникнуть любые неожиданности, которые невозможно предусмотреть и даже выдумать. Эти двадцать метров до поворота за угол — настоящая Голгофа, хотя, извиняюсь, такое сравнение некорректно. Риск, и риск огромный, не скрываю и, честно говоря, боюсь этих двадцати метров.

Но, с другой стороны, что же вы хотите? Хапнуть триста тысяч за здорово живешь! Подошел, взял и до свиданья! Так не бывает. За такие деньги часто дело мокрухой заканчивается, хотя у нас за бутылку вермута могут пырнуть ножом и в речку бросить...»

— Ладно тебе, начал за здоровье, а кончаешь за упокой. Мои действия?

— За тобой только техническая часть. Ставишь машину за углом. Стоишь у входа, там афиша, — «читаешь», ждешь «Волгу». Дед вышел — ты за ним, дед — в зал, накидываешь замок на уличную дверь, в тамбуре надеваешь куртку на молнии, парик, очки...

— А где?..

— Все это у тебя будет в пакете, замки закрываются без ключей, чик и готово. В это время я пью пиво у крайнего столика, хорошо вижу тебя и деда с буфетчицей. Как только он тронется в обратный путь, подаю сигнал — сгибаю кисть левой руки. Ты выходишь из тамбура навстречу, возникает легкое, естественное замешательство, вы уступаете дорогу друг другу — заминка, в этот момент я тюкаю дедульку фомкой по тыковке. Он присел, оттащили, ты вешаешь второй замок и пошел, я прячу баул в сумку, через десять шагов — за тобой, несу на мойку стакан и пустую бутылку, посудомойки их собирают.

— Куртка на молнии у меня есть...

— Не надо твоей куртки, ты же в ней ходил... Все я тебе дам, и куртку, и парик, и очки с простыми стеклами, купил давно, на всякий случай. Дальше сели в машину и к бане, меня выкинул, сам — домой, поставил машину в гараж, — очень, даже очень удобно, что он во дворе, — и к соседу.

— Да и баня рядом.

— В том-то и дело, все близко, с учетом этих обстоятельств все строится. Теперь тонкости и детали, слушай внимательно. Ты будешь выходить на улице и в столовом зале совершенно по-разному. В столовуюходишь в рубашке с короткими рукавами и с невзрачным полиэтиленовым пакетом — идет парень из магазина, зашел купить пирожков к чаю. По залу идешь в куртке, с пышной шевелюрой, на носу очки в массивной оправе, они пол-лица закрывают, никакого пакета у тебя нет — машешь пустыми руками: попил пивка парень, отправился домой... В тамбуре, как только защелкнешь первый замок, достаешь бутафорию из пакета и облачаешься, пакет в карман, в коридоре на выходе все наоборот, снимаешь — и в пакет. Почему я так подробно, от этого зависит твоя безопасность — ты же местный...

— Я в столовую не хожу, перестал ходить после того, как пронесло...

— Все, что я так долго объяснял, проделать надо быстро, игра стоит свеч, придется потренироваться. Но зато каким ты в столовую вошел, точно таким ты из столовой и вышел — это один человек, по залу прошел абсолютно другой — рыжий очкарик навеселе...

— Хм! Убедительно, местные знают, что я очки не ношу, волосы черные.

— Что касается меня, в помещении я буду с бородой и в бейсболке. Мне с сумкой, фомкой, баулом просто физически больше не успеть, но, думаю, этого будет достаточно, тем более меня здесь не помнят. А вообще, знаешь, что бы ни говорил, я постоянно думаю о тебе, и вот почему — вычислят тебя — попал и я, а для меня это надолго.

— Спасибо за заботу, трогательно. Я вот слушаю тебя, чем больше подробностей, тем больше завожусь и начинаю верить в реальность осуществления этого предприятия, мероприятия... Все так логично связано, и поче-

му раньше никому в голову не пришло, такие условия, как бы это сказать, провоцирующие, что ли. Народ у нас сонный, нужен свежий глаз, холодный расчет, а еще надо быть отчаянным и дерзким.

— В самую точку. Многие замечательные планы и замыслы только потому проваливались, что слишком робко исполнялись, это думать надо долго и не жалеть на это время, а вот действовать — быстро. Мне вдвойне приятно, что ты поверил в реальность замысла и поддерживаешь его. Красной нитью через весь этот проект проходит идея нашей личной безопасности, — патетически выпендрено и литературно витиевато начал разработчик, но тут же вернулся на землю. — Если нас, не дай бог, конечно, заметут, я, как организатор, схлопочу по полной, тебе, как пособнику, попавшему под дурное влияние, дадут пару-тройку лет условно, а мне — не-е-ет... Тогда, вместо москвичек и шампанского, меня ждут баланда из турнепса, нары и паханы — перспектива отнюдь не радужная. Выходит, что я самый настоящий оборотень. Вещи будем называть своими именами. Государство тратит на меня, как на порядочного, немалые средства, обучение, как надо эффективно бороться с преступностью, возлагает на меня, подлеца, надежды, а я, свинья свиньей, полученные знания использую для подготовки и совершения изощреннейшего преступления в провинции, с большим материальным ущербом, которое обязательно перейдет в разряд «глухарей». Так это еще не все, я втягиваю в свою преступную деятельность порядочного человека, развращаю...

— Ладно, хватит! Понимаю я твои страшилки — проверяешь на вшивость, готов ли, не передумал ли, а может, струхнул? Что я, маленький? — Про себя подумал: «В самом деле, я только деда прислонил к стене, пальцем не тронул, к деньгам не прикасался, идея не моя... Старый друг попросил подсобить, попал под влияние, проявил слабохарактерность, с кем не бывает, не подумал о последствиях, ну, сглупил — каюсь, простите, больше не буду... В конце концов, я и в самом деле нигде не замечен, пьяным не видели, приводов в ментовуху не имею, более того, сам дружинник, на работе — лучшая смена...»

— Чего загрустил?

— Размышляю, взвешиваю...

— Тогда я, с вашего позволения, продолжу. До обеда купить батон, колбасы, фруктов, — ходил по отделам, немного постоял в очереди, тут и полчаса правдоподобно будет...

— Потом можно и в умат напиться, живем в одном подъезде, он — на первом, я — на втором...

— Ни в коем случае! Ты с ума сошел! Ни в коем случае! Только полный контроль, в гостях сиди, пока не выгонят...

На этом решили закончить, главное — получено принципиальное согласие Дениса на участие в операции.

И вот наступила долгожданная пятница. События развивались по сценарию, но по ходу возникли некоторые отклонения.

Денис с утра годе намазал клеом номера своих «Жигулей», слегка закидал мелким песком, так, чтобы цифры местами просвечивали, но не были полностью читаемы. Подкараулил на лестнице ветерана, предложил ближе к вечеру забить пару партий в шахматишки, — давно не играли. Дед в шахматы так любил играть, что готов был сражаться хоть ночью, — с радостью согласился. После обеда пришел Илья, принес белье, обсудили все в последний раз.

В девятнадцать сорок пять за пустым, крайним к выходу, столиком молодой человек с бородкой равнодушно попивал пивко, мимо прошмыгнул шустрый инкассатор. Почти бесшумно открылась входная дверь, вошел напарник, взгляды подельников встретились — «все штатно». Вошедший накинул замок, приступил к маскараду, видно, изрядно потренировался — в считанные секунды был готов. «Способный — не узнать». Пока все шло по плану.

«Почему дед, пробегая мимо, так вызверился на меня, — рожка не понравилась... — озабоченно подумал проектант, — может, учуял что, эти старикашки — все пройдохи. Одно дело планы строить и разглагольствовать под шалфеом на природе, на деле — иначе...» — начал нервничать сценарист.

Со своей позиции ему было хорошо виден как пособник, так и дед. Наконец тот засобирался, — наступил кульминационный момент, — по-

вернулся и уже было пошел, но тут его, — как показалось налетчику, — окликнула буфетчица, и он вернулся. Сейчас они стояли, близко наклонившись друг к другу и о чем-то шептались, женщина несколько раз бросила выразительный взгляд в сторону Ильи, инкассатор оглянулся.

«Все! Курва заложила, — молнией мелькнуло в голове грабителя. Словно в подтверждение этой догадки, инкассатор переминался с ноги на ногу, переложил баул из правой руки в левую, а ту резко опустил вниз. — Теперь хана! Полез за пушкой, сейчас пойдет на меня — мы в западне, входная дверь на замке, клоун в тамбуре при полном маскараде... Влипли! Или: «Руки вверх!» — выходи по одному, или: «Буду стрелять на поражение» — имеет полное право, старый на работе. Недооценил я эту вертихвостку, а с виду дура душой».

Илья побледнел, левая рука, которая должна была подать сигнал — «пошло движение», мелко и часто задрожала, а потом и вовсе заколотилась как в лихорадке, лоб покрылся испариной.

Денис заметил бледное лицо и трясущуюся руку напарника, стоял и не знал, что делать, он не владел ситуацией, такой момент они не обсуждали. А между тем дедуля достал не пистолет, а всего-навсего носовой платок и вытер лоб, в столовой было жарко, сыро и душно.

«Вот, козел, перепугал вусмерть, я чуть сознание не потерял, а он лобик протирает», — главарь согнул кисть левой руки, которая все еще тряслась. Дедуля выскочил, лихо пролетел мимо, подельник сделал шаг навстречу. Все произошло так быстро, что они едва не столкнулись и были вынуждены на мгновение остановиться. В этот момент оборотень нанес удар по голове инкассатора, и тот стал беззвучно оседать, баул упал на пол. Денис подхватил деду, и хоть был он крепким парнем, почему-то едва его удерживал, компаньон помог оттащить жертву к стене, Денис защелкнул второй замок и пошел.

И вот баул уже в спортивной сумке, сумка застегнута, висит на плече главаря. Он хватает стакан и пустую бутылку и устремляется за соучастником. Когда он проходит мимо столиков, один мужичок собрал использованную посуду, подхватил ее и направился к мойке

вслед. «Надо пропустить, пусть положит посуду на стол, пока идет туда, возвращается, я успею свернуть за угол...»

Комбинатор помедлил, у стола с грязной посудой их пути разошлись. «Пока везет, пока везет...» — стучало в висках.

В темном служебном коридоре со злостью отодрал бороду, из бокового кармана сумки достал кепочку, накинул на голову, толкнул дверь — вышел. Первое, что увидел — удаляющуюся фигуру помощника, еще момент, и тот скрылся за углом. Во дворе было многолюдно: мужики на скамейке курили и поносили отечественный футбол, две женщины снимали с веревки белье, девочки играли в классики, подростки столпились у нового мотоцикла...

Перед тем как повернуть за угол, налетчик столкнулся с каким-то развязным выпивохой.

— Друг, добавь на пиво, немного не хватает, — бесцеремонно насел тот, но потом сбавил обороты, — ну, сколько можешь...

— Простите, молодой человек, вы ко мне уже второй раз обращаетесь, — сразу же нашелся шельмец, — имейте совесть... Нельзя же так!

Наглый проситель от неожиданности опешил, потом нашелся.

— Во, нахал! Первый раз видит человека и «второй раз обращаетесь». Ну, народ пошел, как обнаглели, на ходу подметки рвут, порядочного человека...

Концовку эмоциональной тирады враль не расслышал, она состояла из терминов. Двигатель автомобиля уже работал, как только пассажир сел — «Жигули» тронулись.

— Уф! Ну, дела! Был момент, когда я крепко трухнул, ну, думаю, все, кончен бал, — честно признался автор проекта, — только ты первый замок защелкнул, мне померещилось, что старый хрыч полез за пушкой. А он, прохиндей, платочек достал и лобик вытер, так напугал, мерзавец. Кстати, как он?

— Живой, очухается...

— Крови не было?

— Да вроде нет, я бы перепачкался.

— Он так меня достал своей дурацкой выходкой с платочком, боюсь, не слишком ли приложился, хотя на железке кукель из изоленты приличный, но все равно — приятного мало, я ему сочувствую...

— Да нет, по-моему, все нормально, не парься, минут через пятнадцать очухается. Мера вынужденная — у него ствол...

— Дальше все по плану, сумка с бельем...

— На заднем сиденье.

— Веничек бы для куражу, а, там куплю, а нет, любой грязный голик с пола схвачу... Навар спрячь в коробку из-под телевизора, закидай тряпьем, продукты не забудь...

«Как в роль вошел — командует, что мне делать в своем гараже».

— Продуктов тьма.

— Постарайся шахматиста подпоить, если получится, сам не вздумай нажраться. Умоляю — сейчас это самое главное, наиглавнейшее, мало ли что сболтнешь, поведешь себя как-нибудь неадекватно. Соперник у тебя особенный, этот на своем веку повидал, пестуй свое главное алиби...

— Все будет нормал, в столовке не прокололись, теперь проще.

— Встретимся в пятницу, как обычно, до этого полная тишина. На Темном проведем разбор полетов, поделим выручку по-братски. Тормози! Помни, что сказал вождь народов: «Деньга — зло», не торопись ногами скатать...

— Ну, ты... однако.

— Не обижайся, верю. Ну, давай, ни пуха...

Машина затормозила, искуситель-наставник бойко выскочил, по-спортивному взбежал на крыльцо и скрылся.

«Как раскомандовался, вкус денег почувствовал, уже празднует, не рано ли? Скорее к Ивану Григорьевичу, в нем, действительно, мое спасение, — сейчас, когда самое опасное, надеюсь, позади — отчетливо начинаю осознавать — авантюра! Чистой воды авантюра, рисковали невероятно. Засыпаться могли в любое время, нам, наверно, сам дьявол — сволочь помогал. Вся жизнь можно было враз порушить, еще неизвестно, сколько там, может, кот наплакал. Наслушался бредятины по пьяной лаве. Что дальше будет? Теперь стану бояться каждого стука, каждой машины, что к дому подъедет, ко всему прислушиваться, приглядываться. А если все же кто-то заметил, там же и женщины были, а они глазастые, наблюдательные, один известный философ считал их умнее мужчин, но намного злее. Вот набор: увидела,

запомнила, заметила какую-то деталь — заложит и все обстоятельно обрисует в мельчайших подробностях. Ужас! Далее по программе — КПЗ, начнут допрашивать с пристрастием, — попытки у нас отменены, — и вскоре появится в печати: «Подследственный уже признавательные показания». Попробуй не дай «признавательные показания». К деду!»

Денис поставил машину, добычу спрятал в коробку, закидал тряпьем, схватил сумку с продуктами, запер ворота и шмыгнул в подъезд.

Иван Григорьевич с готовностью открыл дверь, фигуры на доске уже были расставлены.

— Быстро ты, однако, обернулся, вот что значит молодые. Я пойду в магазин, так...

— Шибко отыграться хочется, — перебил Денис, — пока ходил, все думал — зря я пошел на размен ферзей, моя в такой позиции стояла...

— Не переживай, отыграешься...

От выпивки Иван Григорьевич, как всегда, дипломатично отказался, но после небольшого раздумья согласился — «ну, если по пятьдесят грамм». Выставленные продукты велел убрать, против пива не возражал. Достал рюмки, фужеры, принес хлеб, блюдечко с ломтиками лимона. Нарезали все-таки денисовской колбасы, пропустили по одной, приступили к игре.

«Пока все по сценарию, — немного успокоившись, с облегчением констатировал Денис, — надо подольше посидеть, хотя с полдевятого Зоя Львовна начнет специально мельтешить, ее даже пиво раздражает. Жалеет старика, бережет, хотя он крепкий, как дуб, сохранился, перепьет любого молодого, поначалу, из приличия, отнекивается, но по всему чувствуется, что — не против, а потом только наливай. И все же какой замечательный у меня сосед — Иван Григорьевич, умница, добрейшей души человек, на такой работе и не скурвился, а ведь очень легко», — искренне восхищался своим соперником сентиментальный шахматист-налетчик.

Без четверти девять вечера подзахмелевшего Дениса принудили ретироваться.

В столовой начался переполох, шум подняла уборщица, пришла закрыть двери... «Что за хрень! — новый замок, интересно... Капитолина Ивановна, кто замок поменял? У кого руки

чешутся? Ничего не понимаю... а, идите, разбирайтесь сами...»

Бабы бестолково забегали, пришел водитель «Волги», вызвали милицию, та долго не приезжала — была на вызове. Последние посетители, сообразив в чем дело, чтобы не попасть в свидетели, — греха не оберешься, — поторопились с трапезой, всех словно ветром сдуло.

В конце концов, замки спилили, деда вытащили, на удивление быстро приехала «скорая», пострадавшего привели в чувство и увезли. Какой-то в штатском опрашивал работников, людей во дворе, все, что говорили, старательно записывал в блокнотик. Показания были крайне противоречивыми и путанными, так как описывали, главным образом, последних посетителей столовой. Опер понимал — глухо, но ритуал расследования добросовестно исполнял.

Неделя для поделщиков прошла относительно спокойно, они приободрились. В пятницу быстро собрались, — раздирало любопытство — сколько там? — и уехали на Темное. Торопились так, что даже не накопили червей, решили где-нибудь по дороге. Как только приехали на место, сразу же вскрыли баул. Денег оказалось очень много, целая гора мелких купюр — зрелище не для слабонервных. Долго считали, оказалось двести семьдесят шесть тысяч. Да!.. Вот она, удача смелых! Старательно поделили на две части. В баул натолкали крупных камней, отплыли на середину озера и с облегчением утопили главную улику преступления. Все, точка! Ищи-свищи...

С такими деньжищами глупо ловить мелкую плотву. Да теперь можно купить красной рыбы и черной икры — сколько хочешь. Выпили водки, закусили мясными консервами, разговор не клеился, — говорить было не о чем, — а водка не действовала, допили пиво и легли спать. Долго не могли заснуть — молчали, кряхтели, кашляли, ворочались...

Утром наловили немного мелочи — как свидетельствование, что были на рыбалке, — выпили по кружке чаю и подались в город.

Вскоре Илья, как планировал, отправился на юг, настойчиво звал с собой Дениса. Его беспокоила мысль, что парень, оставшись без

присмотра, может выкинуть какой-нибудь фортель, например, купит дорогую ерунду и вызовет всеобщий интерес, городишко маленький — опасно. Идеально было бы ухнуть все разом в незнакомом месте, да еще под его контролем.

Однако Денис твердо решил никуда не ехать, — «хватит ходить на поводу...»

— Съездить, конечно, хотелось бы, — повёл он свою дипломатию, — тем более возможность появилась, да и устал я порядком... Ночные смены изматывают, днём не выспишься, но с отпусками у нас напряженка, мой по графику — в сентябре. Попробую с кем-нибудь поменяться, но уверенности нет, хотя, кто его знает — грибы, ягоды, брусника пойдет, за ней клюква... У нас на зимней ягоде нынче люди хорошие деньги делают...

Но все это были общие слова.

Когда Илья уехал, Денис поначалу вздохнул свободно — освободился от давления напористого авантюриста. Постарался забыть неприятное событие, но забыть как-то не получалось. Более того, со временем появилось полное осознание и стойкое чувство все нарастающей вины и тревоги.

«Какой я дурак, так легко клюнул на рассказни студента, пошёл на поводу! У него, конечно, есть способность выстраивать логические цепочки, всё так аргументированно, правдоподобно, просто, а может, он владеет гипнозом? Каким гипнозом? Водка — главный гипноз, критическое мышление парализовано, не зря же говорят: пьяному море по колено. Рисковали жутко, хватило бы любой мелочи. Его план прямо гуманный даже: дедушка живой, денежки наши... Денежки, денежки, черт бы их побрал, целая гора, а не радуют... Потому что добыты преступным путем. Попробуй купи что-нибудь — ничего не купишь, так и будут лежать мертвым грузом, только душу бередить. Вот ведь зло какое, сон пропал, настроения нет, мысли только как от них, проклятых, избавиться. Поделиться не с кем, все внутри себя, все одно и то же, напряжение растет, так и тронуться запросто можно. Где-то читал, что стыд — это гнев на себя, вот правда так правда. Сам добровольно стал пособником грабителю — дурак! Теперь злюсь, извожусь... Человек

всегда несчастен, когда чувствует за собой вину, это груз. Не зря же говорят: искупите вину, покайтесь... Зло оно и есть зло и всегда злом останется, даже если никто о нем, кроме тебя самого, не знает. Но от себя не убежишь. Куда бежать? Бежать некуда.

Илья не зря меня с собой так настойчиво звал. Цель одна — просвистеть там все и концы в воду. Но где гарантия, что после этого он не втянул бы меня в новую авантюру? Опасный он человек, опасный вдвойне, потому что знает законы и как их нарушать, психологию человека — преступника, мента, лоха, вон меня как скрутил — в два счета. Фактически он заложник своих знаний, практик, видите ли, ему потребовался, чтобы оставаться в форме, финансы поправить, «чтобы девочки визжали». От таких подальше да прочь, рано или поздно они все равно попадают, если вовремя не остановятся. А этот, пожалуй, никогда не остановится...

Вот купил я магнитофон, покруче, чем старый. Теперь от матери отбоя нет — «На какие шиши купил? В долги залез, — долги не находка, — воруюшь? Чем расплачиваться будешь? Дорогой небось?»

Надоела своим нытьем.

Надо что-то делать, меры нужны решительные и кардинальные. Жил я раньше, был спокоен, все шло чередом, а теперь, как сумасшедший — избавиться от этого дерьма как можно скорее. Не родился преступником, и слава богу, не для меня эта дурацкая романтика: «Лучше веселиться, чем работать, белые костюмы надевать»... да и романтики здесь нет никакой — шизофрения чистая. Все! Созрел! Хватит с меня! Дорожи свободой. Пусть он там все просадит, это его дело, а я по-другому, по-своему. Сделать надо так, чтобы зло обернулось добром, такое тоже возможно. Есть такой способ!»

В очередную пятницу, — все-то у него по пятницам, — собрался, как обычно, на очередную рыбалку, а сам махнул в областной центр — в церковь. За городским кладбищем переоделся в цивильное, приехал к одиннадцати часам утра, машину на территорию, а затем — в храм.

К церкви относился с уважением и некоторым страхом, ему казалось, что Бог смотрит с

укоризной только на него, так как знает его грехи. Вошел медленно, поозирался, купил свечку, подумал, поставил, стесняясь, неумело перекрестился, постоял, послушал... Дождался, когда священник освободится, осторожно подошел к нему и, немного заикаясь, робко обратился.

Отец Георгий по-доброму, внимательно посмотрел на Дениса, даже пронзительно, словно одновременно понял все, потому что едва заметно улыбнулся.

— Батюшка, я решил пожертвовать церкви некоторую сумму, — тихо пролепетал Денис, достал из-за пазухи плотный пакет и протянул его.

Священнослужитель неспешно отреагировал обычными в таких случаях словами благодарности, что *«воздастся дарующему на храм Иисуса Христа, Спасителя нашего»*... и еще что-то в этом роде. Голос у батюшки был необыкновенной красоты — густой, бархатный бас, он состоял как бы из одних гласных. Это был не голос — это был хорошо отлаженный музыкальный инструмент — орган или как вариант — саксофон на низких частотах. Ошеломленный Денис собрался было произнести заготовленную дорогой фразу — «Не спрашивайте, батюшка, об источнике происхождения этих денег...» — но вовремя передумал, заготовку забраковал, нашел ее глупой и все остальное продолжение тоже. Когда священнослужитель принял пакет, — а сделал он это естественно, просто, но с благородным достоинством, — Денис только и сумел выдохнуть: — Спасибо, отец, — сразу развернулся и быстро ушел, почти убежал. Священник его не задерживал.

«Ну, наконец-то, слава Богу, свершилось! Кошмар окончен. Раз все так вышло, значит, шаг правильный. А ведь сам Бог меня надоумил так поступить, аллегорически, конечно, во сне. Как будто я на рыбалке не могу вытащить огромную рыбину. Возился, возился — вытаскил, только собираюсь взять за жабры, она хвостом мне по морде как даст, больно так, а сама — в реку... Почему в реку, когда я все время рыбачу на Темном. Я потом догадался. Река — это моя жизнь, судьба. Рыбина — это баул. Вот, оказывается, как бывает. Бес попутал, Бог выручил, а что — логично. Если Он дает мне

советы, значит, я еще не совсем пропащий человек, а только споткнулся. В крайнем случае, если когда-нибудь все узнается, сегодняшний поступок все расценят как раскаяние в содеянном, а это уже как смягчающее обстоятельство, то есть не в корыстных целях...»

Окончательно Денис пришел в себя, только когда выехал на трассу. На душе стало легко, вдруг, неожиданно для себя, он запел. Все хорошо знают — дорога домой всегда короче, километровые столбы мелькали, словно кадры в мультфильме. Он орал со всей дури одни и те же песни, главным образом пионерские: «Вместе весело шагать», «Голубой вагон» и про крокодила Гену. Сольное пение неожиданно закончилось, так же, как и началось, — сел голос, осип из-за предельных вокальных перегрузок. Подъезжая к кладбищу, свернул в лес, переоделся в рыбацкое и вскоре лихо подкатил к гаражу.

